

ЛАРС ЭРИКСОН ВОЛЬКЕ

РЕТРОСПЕКТИВА РОССИЙСКО-ШВЕДСКИХ ВОЕННЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

с 1771 по 1809 гг.

Оборона Финляндии

Почти на всем протяжении XVIII века и в Швеции, и в России осуществлялись различные маневры, направленные как на подготовку к войне с соседом, так и на то, чтобы этой войны избежать. В то же самое время, при выборе оборонной политики в Стокгольме, так же как и в Санкт-Петербурге, руководствовались опытом, полученным в годы противостояния двух стран с 1700 по 1721 год.

В Швеции, чтобы отразить возможные нападения русских войск, значительно превосходящих по численности шведскую армию, на передовой линии были спроектированы и построены серьезные крепостные сооружения — Свеаборг и Свартхольм. Старые приграничные крепости Нарва, Ниеншанц, Выборг, Кексгольм и Вильманstrand после событий 1721 и 1743 гг. перешли к России, и поэтому нужно было построить новые. Однако не все военачальники в Швеции были убеждены в правильности избранной военной стратегии; многие политики и военные все еще придерживались идеи эпохи Карла XII о том, что война должна носить наступательный характер. Считалось, что в новой войне с Россией — а в *том*, что такая война рано или поздно будет, мало кто сомневался — следует, как и в каролинскую эпоху, занять наступательную позицию. В этом случае получалось, что огромные средства, потраченные на постройку

новых крепостных сооружений, — это просто выброшенные на ветер деньги. Несмотря на новые стратегические задачи и иное распределение сил, в шведских военных кругах все еще господствовали устаревшие убеждения. Помимо этого, шведские политики не хотели, чтобы масштабное фортификационное строительство спровоцировало Россию к ответным мерам. Однако катастрофический для Швеции исход войны 1741–1743 гг. доказал несостоятельность и слабость таких самоуверенных планов, и в 1747 году на въезде в Гельсингфорс было начато строительство свеаборгской крепости.

Не следует забывать, что и в России доминировали идеи, актуальные в период петровских войн против армии Карла XII. Несмотря на сокрушительную победу 1721 года, многие ведущие военачальники хорошо помнили о последствиях шведской угрозы, в частности о катастрофических результатах битвы под Нарвой в 1700 г. и о поражениях в Гродно и Головчине в 1708 г. В случае, к примеру, альянса с Турцией нападение со стороны Швеции могло серьезно угрожать безопасности Санкт-Петербурга. Именно поэтому в петровскую эпоху появляются крепостные сооружения вдоль северо-западной границы, а по приказу Екатерины II фортификационные работы и в 1760-е годы, когда к России в 1743 году перешли Фридрихсгам, Вильманstrand и Нейшлот. Однако наиболее масштабные мероприятия по строительству фортификационных сооружений в Старой Финляндии (финской территории, перешедшей России по мирным договорам 1721 и 1743 гг.) были начаты только после заключения Верельского мира в 1790 году.

Важность обороны Финляндии многие понимали по-разному. В пользу необходимости мер по защите Финляндии после окончания войны 1743 года высказывался новый король Адольф Фредрик, вступивший на престол в 1751 году, а также многие известные финны. По собственному выражению Адольфа Фредрика, Финляндия была «столь важной частью государства, что без нее Швеция не была бы Швецией». Священник и политик Якоб Серениус, член партии «колпаков» и один из представителей Финляндии в риксдаге, утверждал, что Финляндия «вот уже скоро как семьсот лет служит шведской короне, и при этом не реже, чем раз в 25 лет наш мир нарушали — каждое поколение финнов как минимум трижды переживало период разрушений и грабежей, — но, несмотря на это, финны вновь, как пчелы, чей улей потревожили, обустривали свое новое жилье и продолжали собирать мед во благо Швеции. Все тяготы, через которые

Швеции пришлось пройти в борьбе со своими злейшими врагами, оставили шрамы на сердце Финляндии».

Первые мысли о возможной независимости Финляндии появились во время российской оккупации 1742–1743 годов, но тогда лишь немногие вдохновились этой идеей. Однако во время войны 1788–1790 гг. оказалось, что стремления влиятельных военачальников добиться независимости Финляндии и даже их чисто пророссийские настроения Швеции были крайне невыгодны. Переход Финляндии к России в 1809 году, за исключением нескольких вооруженных крестьянских восстаний во время войны, прошел практически незаметно, и большинство военных и гражданских лиц приняли новый режим. Это стало возможным благодаря психологическим процессам, начавшимся в периоды российского господства в 1713–1721 гг. и в 1742–1743 гг., а также благодаря недостаточно активному участию Швеции в войне 1741–1743 гг. Таким образом, события начала 40-х годов XVIII века имели серьезные последствия для нескольких следующих поколений.

Однако перед этим были проведены серьезные мероприятия по укреплению обороны Финляндии. Уже в 1742–1743 гг. на заседаниях риксдага бургомистр Гельсингфорса Генрих Йохан Форстен выдвигал требования по постройке крепостных сооружений в районе Гельсингфорса и по переводу туда половины галерного или шхерного флота. В мае 1748 года были начаты работы по возведению бастионной системы укреплений Свеаборг на въезде в Гельсингфорс. В последующие десятилетия эти шхеры стали для Швеции главным строительным пунктом, и туда свозили тысячи солдат из всей Швеции и Финляндии. На постройку Свеаборга ушло шестьдесят лет, а одновременно с этим в приграничных районах были построены и другие, менее крупные крепости, Ловиса и Свартхольм. Помимо этого, с 1758 года в Свеаборге располагалась шхерная эскадра — «Армейский флот».

Европейская Семилетняя война

В 1756 году прусский король Фридрих II развязал войну против вражеской коалиции, объединившей целый ряд государств, а именно Австрию, Францию, Россию, Саксонию и несколько других немецких княжеств, а в 1757 году к этой войне присоединилась и Швеция. Таким образом, Швеция и Россия в данном военном конфликте оказались по одну сторону баррикад.

В 1760–1761 гг. шведские и русские военные суда вместе участвовали в бомбардировках прусских позиций у Кольбергской крепости. В ходе военной операции 1759 года между Швецией и Россией была достигнута договоренность о совместной осаде Штеттина, однако из-за глубокого недоверия между странами этим планам не было суждено сбыться. Несмотря на то что шведский военный флот и сухопутные войска завоевали острова в устье Одера, связав таким образом основные силы шведской армии в Померании с русскими войсками, наступающими со стороны Западной Пруссии и Восточной Померании, все это не привело к каким-либо практическим результатам. В 1762 году Россия и Швеция заключили сепаратный мир с Пруссией, в то время как остальные участники конфликта продолжали военные действия до 1763 года.

На пути к новой войне

Лишь однажды Швеция и Россия оказались на одной стороне, но, как оказалось, общие интересы в борьбе с Пруссией не способны были перевесить старой вражды и взаимных притязаний на общие приграничные территории. Швецию беспокоила возможность роста российского влияния на юге Балтийского моря. Правда, в начале войны Швецию и Россию объединяло желание блокировать Балтийское море от западноевропейских морских держав — Голландии и Великобритании. Против этого отчасти выступали датчане, и поэтому в 1758 году шведско-российская эскадра высадилась у города Драгэр. Совсем ненадолго военнополитическая ситуация в балтийском регионе изменилась. Очень скоро российско-датский альянс в борьбе против Швеции был восстановлен.

В 1780-е годы по инициативе нового короля Густава III судостроение в Швеции стало развиваться невиданными темпами. За три года в Карлскроне было построено десять 62-пушечных линейных корабля и десять 40-пушечных фрегатов. Однако, несмотря на это, к 1785 году шведский флот суммарным водоизмещением 66 000 т, был меньше датского (водоизмещением 87 000 т) и, тем более, меньше русского (111 000 т), ибо императрица Екатерина II еще активнее развивала флот и увеличивала его численность. В сухопутных войсках Швеции в 1780-е годы также проходило переоснащение, организовывались военные учения. Катастрофа 1741–1743 гг. канула в Лету, и появилась установка взять реванш

в новой войне, которая позволит отменить мирные договоры 1721 и 1743 годов. Развязывание новой войны в 1788 году только лишь подтвердило, что в оборонной и внешней политике по отношению к России Швеция руководствовалась единственной идеей — восстановить соотношение сил до 1721 года. Тот факт, что реальный баланс сил на Балтике развивался совершенно в противоположном направлении, большинство шведских руководителей предпочли проигнорировать, и только строительство фортификационных сооружений в Финляндии было попыткой трезво оценить ситуацию.

Война с Россией 1788–1790 гг.

Опасаясь новой войны с Россией, Швеция в течение многих лет занималась укреплением своих оборонительных позиций в Финляндии, поэтому в 1747 году было принято решение о строительстве фортификационных сооружений в Свеаборге и Свартхольме. Основной задачей строительства было подготовить линию обороны в Финляндии, однако некоторые военачальники говорили о необходимости построения обороны у самой границы, чтобы не допустить вторжения русских войск в глубь Финляндии, где располагались обе крепости. Вместо этого некоторые из участников дебатов выступали за сооружение приграничной крепости в городе Ловиса. Работы по сооружению были начаты, но прервались в 1775 году. Оценивая все эти усилия, возникал вопрос — как шведы смогут предотвратить или хотя бы задержать противника до полной мобилизации всех сил и организации подкрепления со всей Швеции.

Однако, несмотря на то что для многих относительная слабость Швеции по сравнению с Россией была очевидна, в некоторых кругах зарождались достаточно амбициозные завоевательные планы. Эти идеи, в частности, выдвигал генерал Юхан Кристофер Толь, которому в 1784 году было поручено решить проблему обороны Финляндии. В Главном штабе в Стокгольме опасались нападения со стороны России весной этого года, и в своем докладе в апреле Толь высказал мнение, что лучший способ отразить нападение — это атаковать самим. Значительные силы — назывались цифры в 12 000 человек — должны морским путем быть доставлены в Эстонию и оттуда начать путь в Санкт-Петербург. Это должно было заставить более сильную русскую армию ослабить давление на Финляндию, чтобы защитить свою столицу. Аг-

рессивный план обороны генерала Толя совершенно обесценил роль крепостей в защите границ государства. Толь считал, что эта стратегия устарела. Важной предпосылкой к началу реализации плана Толя стала разразившаяся в 1787 году русско-турецкая война, заставившая Россию перебросить значительную часть своей сильной полумиллионной армии на юг.

Доработанный план, базирующийся на перемещении основных сил из Свеаборга в ингерманландский Ораниенбаум, расположенный на берегу Финского залива прямо напротив Кронштадта — военного форпоста Петербурга, — лег в основу стратегии Швеции по развязыванию войны. От российской столицы шведский десант отделяло не более 40 километров. Также планировалась атака на Кронштадт, причем в то же самое время незначительные военные группы должны были пересечь границу в районе Абборфорса и направиться в сторону Фридрихсгама и Выборга, чтобы таким образом дезориентировать русских и заставить их рассредоточить свои силы.

Но, что важно, план Толя побудил Густава III и некоторых его советников разработать план нападения на Россию. Весной 1788 года на заседании военного совета во дворце Хага в окрестностях Стокгольма было принято окончательное решение, в результате чего Швеция напала на Россию, которая на тот момент находилась в состоянии войны с Турцией. По плану Толя шведы должны были в этом случае отразить нападение могущественной русской армии, которое вряд ли удалось бы остановить при встрече лицом к лицу в южной Финляндии. В реальности диверсионный маневр нападения на Эстонию превратился в чистой воды наступательную операцию 1788 года против России, а не отчаянную попытку предотвратить раскол Финляндии, как это произошло в 1713–1714 и в 1741–1742 годах. Короля привлекала возможность получить преимущество в бывших балтийских провинциях. Согласно плану, южная армия должна была разделиться, и одной ее части следовало направиться в Ригу, а другой в Ревель. Основные силы, сконцентрированные к северу от Финского залива, должны были выйти к Карельскому перешейку и завоевать Санкт-Петербург или же хотя бы, благодаря своему присутствию там, вынудить Россию заключить мирное соглашение, возвращающее Швеции потерянные земли в Финляндии, Эстляндии и Лифляндии. 22 мая был отдан приказ о мобилизации.

Началом военных действий 29 июня послужили раздавшиеся за день до этого печально известные залпы в г. Пуумала. Полковник Берндт Йохан Хастфер, бригадный начальник провинции

Саво, взяв с собой казацкую форму, инсценировал «русское» нападение на финские войска в Пуумала. Неизвестно, были ли к этой операции привлечены и русские пограничники, но в любом случае все это был «заказ». Данное происшествие послужило основанием немедленного нападения на Россию, состоявшегося на следующий день, 29 июня. То есть это была та же модель, что использовалась в майнильском инциденте, когда в ноябре 1939 года Советский союз инсценировал нападение со стороны Финляндии, положившее начало Финской войне.

С момента инцидента в Пуумала и последующего конфликта 28–29 июня до направления Густавом III ультиматума императрице Екатерине II в Санкт-Петербург прошла целая неделя. Однако ультиматум был отклонен русскими, и российская сторона возложила всю вину за разжигание войны на Швецию. Попытки полковника Хастфера силами своей бригады в Саво завоевать Нейшлотт закончились неудачей. Операция перешла в блокаду, завершившуюся через семь недель. Тем не менее шведам удалось занять проходы у Кэрнэоски и Пуумала, ранее находившихся к югу от границы, в тридцати километрах от русского Вильманстранда. Основные же силы под командованием полковника Густава Маурица Армфельта 11 июля пересекли границу в районе Абборфорса и направились в сторону Фридрихсгама. Нападение, однако, остановилось на полпути, после вылазки русского гарнизона в ночь с 19 на 20 июля у Сумма.

У дер. Аньяла стоял корпус генерал-майора Карла Густава Армфельта. 16 июля инженерные войска построили мост через реку Кюммене (Кюми), и около 2 000 солдат продвинулись в глубь русской Финляндии. Через пару дней к корпусу присоединился Густав III, лично принявший участие в операции в течение суток, прежде чем вернуться в Гельсингфорс после того, как Главный штаб получил сообщение о морском сражении у Гогланда. Войска Армфельта заняли Лииккала и затем продолжили оттуда путь в Хусула к северу от Фридрихсгама. Затем они разбили лагерь и установили контакт с другим армфельтским корпусом к западу от города, которому теперь шведско-финские силы угрожали с двух сторон.

Но в то же самое время на море произошло одно важное событие, и победителя в этом сражении определить не удалось. Днем 17 июля недалеко от Гогланда стокнулись две одинаково мощные флотилии в классическом линейном сражении. Русские вывели 17 линейных кораблей и войско, насчитывающее 12 000 человек, а Швеция противостояла им пятнадцатью линейными судами,

пятью фрегатами и армией в 10 400 человек. За линией фронта обе стороны держали дополнительные силы. В начале боя противники встретились линия к линии, но далее сражение превращалось в дуэль отдельных судов или групп судов. Русские суда в бою пострадали больше, а 74-пушечный корабль «Владислав» был захвачен шведами. Всего в сражении погибло, ранено или было взято в плен 1 800 русских и от 1 000 до 1 200 шведов.

Тактически сражение при Гогланде завершилось вничью, но стратегически русские были успешнее. Шведское внезапное нападение провалилось. Разместить войска в Эстонии не удалось, из-за чего было невозможно воплотить в жизнь план захвата Санкт-Петербурга. Единственное, что осталось, — это сухопутный фронт в Финляндии. Помимо этого, возможности ремонта шведских линейных кораблей в Свеаборге были ограничены, в то время как русские в Кронштадте быстро восстановили большую часть своих судов. К тому же из Архангельска и других городов прибыли новые линейные корабли, и русский флот запер своего противника в Гельсингфорсе, а связь с западной частью Шведского королевства была практически оборвана. Это снижало шансы шведов к успешному ведению войны в Финляндии.

Шведский корпус численностью 11 000 человек, находившийся в районе Гельсингфорса в ожидании транспортировки в Ораниенбаум, теперь разделился: треть направилась сухопутным путем к фронту, чтобы усилить корпуса обоих Армфельтов у Фридрихсгама, а оставшееся войско под управлением генерал-лейтенанта фон Сигрута на судах низкой осадки армейского флота высадились к востоку от Фридрихсгама. В этой крепости осталось всего 2 000—3 000 защитников, а суммарная численность шведского отряда на востоке и севере города составила более 9 000 человек. Одним из корпусов, у Хусула, руководил сам Густав III. Нападение вместе с армейским флотом численностью 6 000—8 000 человек могло бы увенчаться успехом, но из-за неблагоприятного ветра армейский флот не достиг запланированного места высадки у Бракила, в пяти километрах от Фридрихсгама. Однако в сухопутных войсках наблюдалось полное отсутствие координации. Нападение, начатое 3 августа, уже седьмого пришлось прервать, и в Кюмменегорде был созван военный совет.

После провала нападения на юге Финского залива, войска заняли оборонительную позицию. Инициатива перешла к русским, и они относительно малочисленными силами, менее 6 000 человек, выбили противника из Фридрихсгама. Это контрастное явление не было особо активным, поскольку швед-

ские солдаты и так постепенно отходили назад. Около 21 августа шведские войска с восточной стороны границы находились только у Хегфорса и Кюмменегорда, и здесь они противостояли русским отрядам под руководством генерала Михельсона у Сумма и Хусула. На плацдарме Аньяла стоял корпус генерала-майора Армфельта, столкнувшегося здесь с русскими солдатами под командованием генерал-майора Бауэра. Объединенное руководство всеми частями русских войск осуществлял генерал Мусин-Пушкин.

В связи с заметно ухудшившимся в июне—июле снабжением, а также с неудачей при Гогланде, недовольство в рядах шведской армии росло, а отступление в Фридрихсгаме только усилило эти настроения. Антивоенные настроения и недовольство политической ситуацией особенно ярко проявлялись в офицерских кругах. Многие офицеры подали прошение об отставке, а 9 августа майор Юхан Андерс Егерхорн (троюродный брат Георга Хенрика Егерхорна) направляет императрице Екатерине II так называемую Ликальскую ноту с предложением о начале мирных переговоров. По этой причине практически сразу в Аньяла 12 августа состоялось совещание, на котором 113 офицеров подписали декларацию с требованием об окончании войны, восстановления баланса между королевской властью и народом и созыве нового риксдага. В придачу к этому 21 августа Дания объявила Швеции войну, что сводило на нет один из ключевых аргументов к началу военного похода.

Однако здесь мнения разделились. Когда Егерхорн 24 августа вернулся из Санкт-Петербурга, оказалось, что он зашел несколько дальше, чем планировали его единомышленники. Темой переговоров стало не только подписание мирного договора, гарантирующего целостность границ, но и вопрос отделения Финляндии от Швеции. Такое поведение вызвало смуту среди сторонников Аньяльского союза, и Густав III смог вернуться в Стокгольм, а его брат герцог Карл принял командование Финляндией.

Герцог действовал осторожнее, чем того требовал король. Он освободил завоеванные территории на российской стороне границы и поддержал офицеров, требующих созыв риксдага. Но одновременно с этим 20 октября войска были расквартированы на зимней квартире, перед тем как герцог был смещен с поста командующего; на этом посту его сменил сначала Ф. А. Поссе, а затем, 11 декабря, — генерал-лейтенант Й. А. Мейерфельт. В этой ситуации заговорческие настроения в армии утихли, в особенности среди младшего командного состава и рядовых, да

и низшие сословия в риксдаге все больше возмущали заговорщики, которые, как считалось, играли на руку врагу в самый разгар войны.

1 декабря 1788 года было объявлено об аресте ведущих членов Аньялского союза, и в начале 1789 года их задержали и привезли в Стокгольм. Правда, Егерхорн и его ближайшие соратники успели до начала арестов сбежать в Россию. После длительного судебного разбирательства в сентябре 1789 года и апреле 1790 г. около 80 офицеров были приговорены к смертной казни, но все они были помилованы, за исключением полковника Й. Х. Хэстеску, которому 3 сентября 1789 года отрубили голову на площади Ладюгордсландсторг (современное название Эстермальмсторг) в Стокгольме.

В то время как в Финляндии в армии порядок и дисциплина были восстановлены, на западе страны в сентябре 1788 года была развязана короткая война с Данией, которая со стороны Норвегии вторглась в провинцию Бохуслэн и завоевала Уддевалу, Вэнереборг и крепость Бохус у города Кунгэльв, после чего было заключено перемирие. Датская операция завершилась в 1789 году; датчане отступили, и в июле 1789 года Копенгаген заявил о своем нейтралитете.

Таковы итоги 1788 военного года, который принес большое разочарование для оптимистичных шведских военачальников. Но крах и распад в армии удалось в последний момент предотвратить, во многом благодаря тому, что русские были слишком слабы, чтобы воспользоваться моментом и перейти в контрнаступление.

Ко второму году войны Швеция подготовилась лучше благодаря мерам, предусмотренным риксдагом, что позволило обеспечить вооружение и более грамотное снабжение. Для этого, в частности, в Финляндии была создана комиссия по провианту. Произошло это в последний момент, когда офицеры не получали жалование шесть месяцев, а рядовые — пять и когда несколько военных отрядов были практически истощены голодом.

9 июня 1789 года Густав III прибыл на корабле в Финляндию и расположил свой главный штаб в Борго. Через несколько дней были получены сведения о том, что русские совершили нападение на Саво, чтобы разбить расположенную там финскую бригаду или, по крайней мере, отделить ее от основных сил на юге. В битве в проливе Поррассалми 13 июня русское наступление было остановлено, и командир бригады фон Стедингк смог через Йоройнен спокойно вывести свои войска обратно вглубь на север. Бригада провинции Саво не пострадала, но теперь она с юга

была отделена от основной армии на 150 км. Русские войска также проследовали к Йоройнен, но там они остановились, чтобы не ставить под угрозу свой путь назад.

23 июня, когда сражения на севере прекратились, началась операция на южных фронтах. Основные силы, состоящие из двух корпусов, общей численностью 5 000—6 000 человек, должны были начать наступательные действия по направлению к Вильманстранду, во многом для того, чтобы облегчить положение бригады Саво. На юге меньший по численности отряд совместно с армейским флотом должен был напасть на Фридрихсгам.

План был хорош, но к его исполнению приступили слишком поздно. Отступление бригады Саво уже закончилось. Сначала все шло хорошо, и 28 июня русских вынудили оставить свои позиции в Утти, но затем шведская атака была приостановлена. Армия была слишком слаба, чтобы продолжить наступление на Вильманstrand, и план был изменен. Теперь корпус Густава III развернулся к югу по направлению к Фридрихсгаму, чтобы воссоединиться с армейским флотом и сухопутными силами, атаковавшими со стороны Абборфорса.

3 июля русские войска в количестве трех батальонов были вытеснены из Ликала, где в течение трех недель стоял корпус Густава III, прежде чем, почувствовав угрозу за своей спиной, вернуться в Аньяла и Вяряля. Отряд генерал-майора Каульбарса, продвинувшийся от Утти к Вильманстранду, после короткого сражения развернулся и возвратился на исходные позиции. Коувола и Вяряля были сданы при отступлении, и поэтому корпусу Густава III также пришлось вернуться, чтобы не быть отрезанным от основных сил.

То, что происходило сейчас, можно было назвать окопной войной, когда каждая из сторон укрывалась в своих лагерях, периодически совершая незначительные нападения друг на друга или обмениваясь артиллерийскими дуэлями. На севере Стедингк и бригада Саво перешли к контратаке, и 21 июля в сражении у Паркумэки шведы одержали победу, после чего бригада Саво разбила лагерь в Сэминге, к западу от Нейшлотта.

Определенных успехов на юге достиг корпус Мейерфельта, завоевав остров Пюттис, Кюменегорд и Хегфорс на восточном берегу реки. В конце июля Мейерфельта перевели в корпус у Вяряля и Аньяла, где у него в подчинении находились 8 000 человек. Командование на юге перешло к фон Сигруту; его четырехтысячное войско находилось у Кюменегорда, где свой главный штаб развернул Густав III.

В середине августа к Сигруту из Швеции пришло подкрепление, и теперь он мог разместить 6 000 солдат в Кюмменегорде и Хегфорсе. После поражения флота в Роченсальмском сражении 24 августа, береговой корпус был вынужден отойти обратно к Абборфорсу, поскольку русские войска атаквали и с суши, и с моря. Таким образом, военные действия на юге были приостановлены, и пришлось вернуться на исходные позиции. Чтобы противостоять русским, завладевшим полуостровом Порккала, войскам, прибывшим из Швеции в качестве нового подкрепления, пришлось продвинуться к Нюланду. В результате нападения в ночь на 30 сентября удалось выбить русских из их укреплений на острове Эльгшеландет недалеко от Бэрсунда, но военная база в Порккала не пострадала.

К третьему году войны было решено вернуться к первоначальному плану 1788. Теперь предполагалось, что благодаря действиям флота появятся предпосылки для десантной экспедиции на Санкт-Петербург. Несколько армейских подразделений были доставлены на флот, что несколько ослабило основные силы армии, несмотря на то что резервный состав был увеличен благодаря пополнению (так называемому *vargering*). Это были резервисты, готовые вступить в бой, если солдат регулярных войск будет убит, ранен или взят в плен, однако в этот раз их призвали заранее, чтобы увеличить численность армии.

Три группы, находящиеся в Санкт-Михеле, Рантасалми и Карелии, должны были отвлечь внимание русских. Сражения начались 15 апреля, когда русские еще не успели достаточно подготовиться. Взяв Кэрнэоски, отряд Густафа Маурица Армфельта отбил контрнаступление русских. До конца план, однако, не был выполнен, поскольку не все три корпуса начали продвижение одновременно. Карельская бригада на северо-востоке вообще не провела ни одной операции. В основном это произошло из-за отсутствия продовольствия и ломовых лошадей. Вместо этого королевский отряд вышел из Яала, перешел по реке границу и затем свернул на юг. 29 апреля, прежде чем объединиться с корпусом Армфельта, отряд атакует русские позиции у Валкеала. Как и в 1789 году, планировалось совместное наступление на Вильманstrand, но русские успели раньше. Перейдя к контратаке, они вынудили корпус Яала отойти назад и продолжили продвижение по шведской территории. В результате сражения у Келттиских казарм в ночь с 19 на 20 мая русские вынуждены были отступить через реку Кюммене, но они все равно еще удерживали плацдармы Вяряля и Аньяла.

В июне Армфельт предпринял новую попытку отбить у русских завоеванные позиции, в результате чего состоялось кровопролитное сражение у Савитайпале, в ходе которого сам военачальник был ранен и вынесен на руках с поля боя. На юге Мейерфельт возвратился к береговой линии и забаррикадировался в Кюмменегорде и Хегфорсе.

Вопрос главного нападения на Санкт-Петербург оставался открытым, и здесь центральную роль должен был сыграть флот. Высадка у пролива Бьеркезунд на Карельском перешейке, на расстоянии четырехдневного похода от российской столицы, был осуществлен лишь частично. Корпус численностью 3 000 человек высадился в условленном месте 7 июня, но сразу же разделился на три колонны, из которых только одна начала продвижение к Санкт-Петербургу. Получив от русских отпор, 18 июня воинская группа вернулась на корабль. Это означало, что королевский военный план 1790 года был полностью провален.

Операции шведского флота в этом году проводились в самом центре территории, где концентрировались военно-морские силы Российской империи. 13 мая была предпринята неудачная попытка атаки русской эскадры, базирующейся в Ревеле. С другой стороны, благодаря атаке на Фридрихсгам, удалось выбить большую часть базирующейся там русской галерной эскадры; линейный флот защищал высадку на Карельском перешейке от нападения главных сил русских в Кронштадте, а в то же самое время шхерный флот перешел к наступлению на Выборг. Когда высадка окончательно провалилась, Густав III оказался в ловушке, вместе с 30-тысячной армией, 47 судами линейного флота, 174 шхерными судами и еще 54 вспомогательными и транспортными судами. Швеция оказалась перед лицом неслыханной катастрофы. Однако русский адмирал Чичагов не сумел затянуть петлю, и ясной летней ночью со 2 на 3 июля шведскому войску удалось прорвать заградительную линию. Катастрофы удалось избежать с незначительными потерями. Более того, летняя морская война 1790 года закончилась победой после Второго Роченсальмского сражения 9–10 июля, когда была уничтожена значительная часть русского галерного флота и где погибли, по разным источникам, от 7400 до 10 000 русских моряков и солдат. Потери шведской стороны составили около 300 человек убитыми и ранеными.

После победы в Роченсальмском сражении шведы смогли перейти к мирным переговорам, не ощущая себя проигравшими. К тому же изменения в политической ситуации и катастрофиче-

ское поражение флота заставляли русских также искать способы заключения мира. 14 августа 1790 года был подписан Верельский мирный договор, позволивший после трех лет ожесточенной борьбы сохранить неизменность довоенных границ.

Шведские надежды 1788 года не оправдались, но, с другой стороны, самых страшных последствий удалось избежать. Можно долго обсуждать, могла ли обессиленная армия сопротивляться русским четвертый год подряд, даже в ситуации, когда русские в то же время на юге вели войну с Турцией. В течение долгого времени исследователи весьма критически оценивали методы ведения Густавом III данной войны. Плохо подготовленная и развязанная с использованием сомнительных с конституционной точки зрения методов, эта война демонстрировала целый спектр стратегических и тактических ошибок. Только морские успехи, в первую очередь в Роченсальмском сражении, спасли Швецию от полного фиаско. Людские потери в сухопутных войсках и флотах составляют, по оценкам, около 10 000 человек, причем многие умерли от тифа и других заболеваний, зачастую даже не попав к месту сражений в Финляндии.

Наземная война, безусловно, была провальной, особенно если сравнивать результаты с грандиозными планами операций. Слабость и недостаточная скоординированность руководства привели к отсутствию сплоченности между отдельными силами, и из-за этого многие сильные позиции были растрчены впустую. Более сложное руководство помогло бы достичь лучших результатов. Здесь же действия одних военачальников исключали действия других, из-за чего планы приходилось пересматривать в самый разгар операции.

Неоднократно поднимался вопрос о катастрофической ситуации со снабжением, и это правильно. Но вопрос заключается в том — не связано ли это во многом с плохими транспортными условиями и плохо подготовленными тылами в районе границы. Запасов зачастую было достаточно, но до места сражений они не доходили. В таком положении на полях сражений свирепствовали заболевания, и потери в армии росли, несмотря на то что сражений было немного. Более поздние исследования также отчетливо показали, насколько сложно оказалось без достаточной подготовки обеспечить снабжение военных частей в южной Финляндии. Во времена «великого лихолетья» (1713–1721 гг.) русская оккупационная армия в Финляндии в вопросе снабжения полностью зависела от поставок из России. Того, что могла дать оккупированная страна, не хватало.

Однако возникает вопрос, насколько верны были предпосылки, на которых базировались экспертные оценки заслуг Густава III в ведении военных действий против Российской империи. В 1721, 1743 и 1809 годах русско-шведские войны в той или иной степени закончились для Швеции поражением, в то время как мирный договор 1790 года позволил сохранить неизменность границ. Вопрос не в том, почему не был реализован план операций 1788 года (что само по себе интересно), а в том, как Швеции удалось отложить полное поражение на несколько десятилетий вперед до 1809 года.

Частично ответ заключается в том, что из всей полумиллионной русской армии в операции на Северо-западе была задействована лишь десятая часть. Основные силы были брошены на борьбу с Турцией и защиту польской границы. По этой причине у русских не было достаточно сил и возможностей для агрессивного нападения, чтобы всерьез представлять для Швеции угрозу. Тем не менее русская армия была достаточно сильна, чтобы отразить нападения шведов, особенно учитывая тот факт, что эти наступления не были подготовлены в должной мере. На море была одержана серьезная победа у крепости Роченсальм, но ее причина кроется в том, что на момент начала войны шведский флот после ряда мероприятий по реконструкции и строительству, проведенных в предыдущее десятилетие, не уступал русскому. Однако к концу войны русский линейный флот в разы превосходил значительно истощившийся за годы баталий шведский флот. Россия и в морских сражениях подтвердила свою позицию сильнейшей балтийской державы, а что касается сухопутных войск, то этот факт был очевиден и до начала войны. Однако для того, чтобы сделать целостную оценку войны, развязанной Густавом III, необходимы более серьезные исследования, анализирующие значение густавианской армии на море и на суше.

Война 1808–1809 гг.

На фоне таких значимых событий, как наполеоновские войны в целом и, в особенности, на фоне заключения императором Александром Тильзитского мирного договора с Наполеоном, была развязана новая русско-шведская война. Бытует мнение, что Тильзитский мир давал России с согласия Франции право делать со Швецией все что угодно, и в особенности с Финляндией — восточными шведскими территориями. Но на самом деле

эти взаимоотношения были значительно сложнее. Для Наполеона и Франции, все активнее усиливающей свои интересы в восточной части Средиземного моря, было важно по возможности отвлечь Россию от Босфора и Константинополя, и с этой точки зрения Финляндия была хорошей приманкой.

4 февраля 1808 года командующий в Финляндии Карл Натанаэль аф Клеркер подписал приказ о мобилизации шхерных эскадр в Або. Офицерам и матросам надлежало взойти на борт весельных и парусных судов в Або «по причине опасности вторжения со стороны Российской империи» и затем спешно двигаться в сторону Свеаборга. Но к тому моменту война уже началась.

21 февраля 1808 года 24 000 русских солдат перешли границу со Швецией, и война, которой многие ждали и боялись, стала свершившимся фактом. За двадцать лет до этого шведам было бы тяжело бороться с русскими на равных, но все-таки им удалось отразить попытки русских углубиться в Финляндии с юга и со стороны Саво, хотя эти попытки предпринимались русской армией вполсилы, отчасти из-за русско-турецкого конфликта на южных рубежах страны. В комбинации с успехами военно-морского флота, в особенности в Роченсальмском сражении в июле 1790 года, война Густава III могла быть закончена без территориального передела, но те, кто хотел, могли найти основания для волнений. Если бы русские атаковали более целенаправленно, отразить такие атаки было бы сложно. Именно с этой точки зрения необходимо оценивать шведский оборонительный план, вступивший в силу сразу после нарушения границы русской армией.

Полевая армия Финляндии должна была постепенно отступать, а большой гарнизон в Свеаборге, благодаря прочным крепостным стенам и сотням пушечных орудий, должен был отразить атаки противника. Сразу после мобилизации войск в западной части королевства они должны были быть переброшены в Свеаборг и начать контрнаступление против осаждающих; одновременно с этим финская часть армии должна была перестать отступать и начать контратаку на юге и юго-востоке. Оказавшись между двух огней, русская армия вынуждена была бы отступать. Таков был первоначальный план. Реальность, как известно, оказалось совсем иной.

Уже 1 марта 1808 года шведский главнокомандующий Вильгельм Мориц Клингспор отступил перед натиском русской армии под руководством генерала Буксгевдена. При отступлении к северу шведы даже не вступали в какое-либо соприкосновение с наступающими русскими войсками. Однако пока всюю шла

мобилизация и сбор войск в Стокгольме и Карлскроне, 3 мая крепость Свеаборг неожиданно капитулировала перед русскими войсками. Решение о сдаче крепости, принятое без крайней необходимости комендантом Карлом Олафом Кронстедтом, окончательно развалило шведские стратегические планы. Армия оставила южную Финляндию, а западные укрепления потеряли свои предполагаемые порты посадки и операционную базу.

Армия Финляндии также развернула свои орудия к югу и попыталась извлечь максимальную выгоду из сложившейся ситуации. 14 июля войска Карла Юхана Адлеркрейца одержали победу в сражении при Лаппо, а Георг Карл фон Дебельн 13 сентября нанес поражение русским в сражении при Йуутасе. Но уже 14 сентября, на следующий день, состоялась роковая битва при Оравайсе. После ряда мелких стычек, в частности, окруженного мифами сражения у моста Вирта 27 октября, в ноябре армия была вынуждена покинуть Финляндию. Последним уходил батальон Ваза, покинувший Финляндию в день Святой Люсии 13 декабря 1808 года и перешедший в шведскую провинцию Вэстерботтен к северо-западу от реки Кеми. Попытки высадки на юге не удались, и русские укрепили свои позиции в Финляндии, а в скором времени расширили их до самых Аландских островов. В апреле—мае 1808 года русские войска на несколько недель заняли Готланд, но оттуда их шведы вытеснили. Однако во многих районах Финляндии русские войска наткнулись на сопротивление крестьянских формирований, которые вели маленькую партизанскую войну за регулярной линией фронта.

Катастрофические военные неудачи вскоре получили отражение в политике. В середине марта 1809 года в результате заговора, поддержанного частью армии, был свергнут король Густав IV Адольф, и на престол взошел его дядя Карл XIII. 29 марта, двумя неделями позже, император Александр I на заседании сейма в городе Борго был провозглашен Великим Князем Финляндским.

Между тем война продолжалась, но теперь она переместилась на другую сторону Ботнического залива. Русские войска продвигались все дальше на юг вдоль береговой линии провинции Норрланд, а другая часть войска двигалась по льду, чтобы занять город Умео. В конце лета 1809 прошли жестокие бои в районе Умео, Сэвара и Ратан. Шведское контрнаступление удалось не полностью, но все-таки русские были оттеснены обратно к северу и даже оставили Умео. 17 сентября 1809 года во Фридрихсгаме Швецией и Россией был заключен мирный договор. Согласно данному договору, Швеция несла серьезные потери. Территория Финляндии

полностью отошла России. Однако последствия могли быть еще страшнее — изначально русские переговорщики требовали присоединения к России всей территории до реки Каликс. В свою очередь, попытки шведских переговорщиков отстоять Аландские острова успеха не возымели. По многолетнему опыту русские военные знали, как эта группа островов могла использоваться в ходе наступательных операций против Финляндии, а теперь Аландские острова превратились в русскую угрозу против центральной Швеции и Стокгольма. Кроме того, теперь русские, завладев Аландским архипелагом, могли блокировать выходы в Ботнический залив. Грисслехамн, некогда находившийся в центре шведско-финского государства, за одну ночь превратился в пограничный пункт с небольшим военным гарнизоном. На севере Швеция потеряла старый город Торнео, и поэтому здесь спешно был заложен новый шведский город Хапаранда.

Различие в отношении к солдатам вражеской армии на восточных и западных территориях шведско-финского государства со стороны русских было очевидно и ранее. Когда Свеаборгская крепость капитулировала 3 мая 1808 года, почти 7000 солдат попали в руки захватчиков, из них те, кто входил в части финской армии, были демобилизованы и отправлены домой. Позднее отказавшиеся присягнуть государю 1 июля были снова захвачены в плен и направлены через российскую границу в район Кюмене. Оттуда они смогли вернуться только после подписания мирного договора.

В крепости Свеаборг находились более 1500 моряков и офицеров армейского флота. Финские моряки с Аландских островов и из южной Финляндии удерживались в крепости и подвергались сильному, но безрезультатному давлению, целью которого была вынудить их обеспечить личный состав своих судов и перейти на службу Российской империи. Последний моряк из Свеаборга был отпущен только в апреле 1809 года.

В плен было взято около 1000 шведских моряков и морских артиллеристов и сотни солдат сухопутных войск. В отличие от их финских товарищей, их незамедлительно вывезли в Россию. Под контролем русских солдат колонны пленных прошли с маршем от Гельсингфорса до Санкт-Петербурга через Фридрихсгам и Выборг, где они получили кров у местного населения. В российской столице было собрано 1500 шведских пленных, которые принуждались к различным видам работ, в частности строительству большого канала, и при этом они постоянно подвергались угрозам и безуспешно принуждались перейти на службу царю.

Небольшие группы пленных оказались в других русских городах, в частности Ростове и Ярославле. Только после заключения мира 2 ноября 1809 года пленные смогли пройти маршем обратно и через Карельский перешеек вернуться домой.

Следующий удар по финским вооруженным силам был нанесен в марте 1809 года, когда русские войска перешли пролив Кваркен и взяли Умео. Эти силы были отрезаны от остальной Швеции в окрестностях Каликса. 25 марта была подписана своего рода капитуляция, «Конвенция в Каликсе». Почти сразу эти события получили широкий резонанс, и два полка, Або и Бернеборга, были на грани мятежа. Они отказывались капитулировать и вместо этого начали движение на юго-запад, чтобы воссоединиться с остальной шведской армией. Однако очень быстро стало ясно, что эти полки сами по себе не способны на решительные меры, и от идеи сопротивления пришлось отказаться. Войска проследовали через Торнео и сложили свое оружие у церкви в г. Кеми, прежде чем офицеры и солдаты смогли вернуться к себе домой. Таким образом, к 10 мая 1809 г. из войны вышел 4 531 финский солдат и офицер.

Теперь бунтующий финский отряд в шведской армии с трудом насчитывал 2 400 человек. Они оставались здесь до заключения мирного договора. 8 октября, через три недели после заключения мира, генерал фон Дебельн собрал оставшееся финское войско на традиционной церемонии на площади в Умео. Войска были построены в четырехугольник перед церковью, причем шведские солдаты были одеты в новую форму, а финские так и были в своих изношенных в войне мундирах. Бюрократические власти в Стокгольме решили, что теперь шведское государство не должно нести ответственность за своих бывших подданных. Единственно, что смог сделать разгневанный фон Дебельн, прежде чем раздать медали и выступить с обращением к финским солдатам с обзова в центре площади, это выдать им двойной паек водки.

Битва при Оравайсе

Если задаться вопросом, что же имело решающее значение для исхода войны 1808–1809 гг., то, разумеется, первое, что приходит в голову, — это капитуляция Свеаборгской крепости. Однако битва при Оравайсе, безусловно, стала переломным моментом, определившим дальнейший ход событий. Помимо этого, битва при Оравайсе позволяет получить наглядное представле-

ние о том, какие методы использовались при ведении сражений в этой войне.

Битва при Оравайсе определила дальнейшую судьбу Швеции и Финляндии, с той точки зрения, что после этого поражения даже немногочисленные оптимисты из числа шведских военачальников понимали, что повернуть ход войны невозможно. Значение битвы при Оравайсе для шведской истории можно в некотором смысле сравнить с другим событием, имевшим обратный эффект, — со сражением при Лунде 1676 года, когда удалось предотвратить возвращение Дании провинций Сконе, Блекинге и Халланд. Теперь, 132 года спустя, сражение при Оравайсе, на многокилометровых лугах и лесах к северу от города Васа, окончательно уничтожило надежду сохранить единое шведско-финское государство.

С этой точки зрения лучшей иллюстрацией стали строки из стихотворения финского поэта Йохана Людвиг Рунеберга, относящегося к его циклу стихов «Рассказы прапорщика Столя» (второе издание, 1860). Слова:

Случилось это в кровавый день для Оравайса,
Когда горю не стало предела,
Когда поражением стала победа,
И надежда навсегда улетела.

стали реальным отражением сложившейся ситуации.

14 сентября около 6 000 русских солдат во главе с генералом Каменским выступили против шведской армии численностью 5 000—5 500 человек под командованием генерала Адлеркрейца. Формально шведы располагали большими силами, но почти каждый четвертый шведский солдат находился в лазарете, поэтому численность эффективных ресурсов была значительно ниже. Части шведской армии, а именно третья бригада, были направлены на помощь войскам Дебельна под Йуутасе, и оттуда шум боя был услышан войсками Аделькрейца. Бригада прибыла только тогда, когда победа при Йуутасе уже была достигнута Дебельном. Впоследствии было много рассуждений о том, как бы развивались события в Оравайсе, если бы эти войска остались. То, что битва была проиграна из-за того, что часть сил не смогла принять в ней участие, воспринималось как само собой разумеющийся факт. Абстрагируясь от бессмысленности подобных рассуждений, можно также утверждать, что, если бы сражение при Йуутасе имело иной исход, третья бригада сыграла бы ключевую роль в предот-

вращении полной катастрофы для шведской армии. Часть солдат из соединений вблизи Йуутаса или Оравайса предпочли скрыться до начала сражений. Только в роте прихода Йокас в Саволакском и Нейшлотском пехотном полку в критический день 13 сентября дезертировало пятеро из 137 регулярных солдат и 136 резервистов. Однако только счастливым из числа дезертиров удалось избежать наказания. О солдате № 105 Фриске из роты второго майора Эстерботнийского полка было написано коротко и ясно: «7 августа приговорен к расстрелу, жалование выплачено до этого периода».

Утром 14 сентября части полка Хельсинге вышли для сражения на передовой, но только позднее вместе со Свейским артиллерийским полком им удалось вырваться из опасного русского окружения. После этого отражать наступление русских должно было основное войско. У начала правого фланга стоял батальон Упландского полка, за ним по батальону из Вэстманландского и Вэстерботнийского полков. С левого фланга располагалась Саволакская бригада, ядром которой являлись два батальона полка Саво (из трех небольших батальонов были собраны два большей численности). На более позднем этапе битвы, когда шведская линия подверглась целой серии взрывов, подключили оба батальона Эстерботнийского полка, что помогло стабилизировать ситуацию. Два батальона полка Хельсинге оставались в резерве и были подключены еще позже, но повернуть ход сражения так и не удалось.

Когда стемнело, русские решительно перешли в наступление, и Адлеркрейц приказал своим войскам оставить позиции и быстрыми темпами следовать в сторону Ньюкарлебу. Отступление было осуществлено так быстро, что на левом фланге забыли две роты Вэстманландского полка, и они так и остались там во мраке ночи. Поняв, что произошло, они, однако, смогли воссоединиться со своей армией. У уставшей русской армии уже не было сил, чтобы догнать отступающих в ночи, и они остались на поле боя. Лейтенант Карл Юхан Юнгрен из Вэстманландского полка красочно описывает смятение и панику, начавшуюся среди солдат и офицеров через 15–17 часов битвы:

«Было так темно, что несмотря на непрерывную толкотню, понять, кто толкает, было невозможно... В ночи возникали сотни звуков; повсюду стонали раненые, каждый на своем языке; артиллеристы и кучеры покрикивали на своих измученных лошадей и изрыгали дюжину проклятий каждый раз, когда их обоз застревал, а происходило это часто; гремели колеса и орудия, кричали

солдаты. Все были без сил от усталости и голода... Вот так войско наконец прибыло в Ньюкарлебу».

Несмотря на то, что у шведов в битве при Оравайсе по разным причинам участвовало лишь около половины имеющейся армии, Швеция понесла значительные потери, 740 шведов против 895 русских. Больше всех пострадали Вэстманландский полк, где был 101 убитый и раненый, полк Хельсинге, где потери составили 241 человек, и Эстерботнийский полк (118 человек). Таким образом, эта битва стала самой кровопролитной в данной войне. Раненых были сотни, и многие из них, несмотря на усилия немногочисленных врачей, умерли от полученных увечий. Лекарь Вэстманландского полка Мубергер в мае 1809 года получил медаль *За отвагу на поле боя* за то, что активно участвовал в сражении при Оравайсе и проявил большое умение, смелость и бесстрашие.

Короткие отметки в документах Вэстманландского полка дают представление о происходящем: «убит при Оравайсе», «ранен и взят в плен при Оравайсе». Раненых размещали не только в лазаретах Якобстада и Умео — многие вэстманландцы после битвы попадали в Брахестада, Пюхьяйоки, Улеоборг и Торнео. Поскольку отступление было слишком стремительным, а медиков было мало, было сложно сохранить целостность оставшегося полка. Во второй егерской роте егерского батальона первой бригады был ранен солдат № 40 Упландского полка по фамилии Стольпе: «ранен в спину, пуля извлечена». Формулировка не обязательно означает, что он был ранен во время отступления, точно так же он мог попасть под шальную пулю своих. В ходе таких сражений солдаты зачастую по ошибке могли стрелять в своих собственных товарищей. Сотни и сотни солдат числились пропавшими без вести, большинство из них наверняка были убиты, но некоторые, возможно, сами покинули поле боя, а кто-то и дезертировал во всей этой суматохе. Вот что зафиксировано в записях о солдатах из Эстерботтена № 82 Фике и № 86 Нойде роты второго майора: «Погиб при Оравайсе 14 сентября, жалование выплачено до авг<уста> месяца». Из роты прихода Хирвенсалми Саволакского пехотного егерского полка сбежал солдат № 22 как раз 14 сентября. В этом не было ничего уникального, и даже зная имя беглеца, невозможно было удержать его на поле боя. В данном случае сбежавшим оказался солдат Михель Стрид (Strid на русский язык переводится как «бой, битва»).

С битвой при Оравайсе так или иначе были связаны многие личные судьбы и жизни. Наиболее известная в этой связи судьба графа Вильгельма фон Шверина. Родившийся в 1792 году граф

фон Шверин вместе с братом Филиппом Богислаусом, который был старше Вильгельма на два года, поступил в 1806 году в кадетское училище в Карлбергском замке в Стокгольме. После сдачи экзаменов 29 июня 1808 года 15-летний Вильгельм получил звание младшего лейтенанта и был направлен в Свейский артиллерийский полк. Летом его подразделение переводят в Финляндию к месту боевых действий. Вильгельм фон Шверин был ранен в битве при Оравайсе, и его имя сохранилось в истории благодаря героическому эпосу Юхана Людвиг Рунеберга.

Молодой артиллерист прибыл в Кристинестад вместе с силами подкрепления всего за десять дней до начала сражения, и в военном деле он со всех точек зрения был новичком. Во время сражения он был ранен и доставлен в военный госпиталь в Нюкарлебю. Отсюда он смог сам написать родителям, пробсту Филиппу фон Шверину и Луизе аф Петерсенс, и рассказать о сражении: «Утром, когда я вышел на разведку, мою шапку прострелила пуля, и я упал навзничь. Я обнаружил злодея за камнем, выхватил ружье у одного из солдат и выстрелил в него. Вечером, когда стемнело, меня снова ранили и оттащили в ближайшую деревню... Генерал Аминофф, благородный человек, помог мне, и сейчас я себя чувствую достаточно хорошо. Прощайте, дорогие и любимые родители и родные! Живите счастливо! Вечно преданный Вам сын, брат и друг Вильгельм».

На самом деле ранения Вильгельма фон Шверина не были столь серьезными, но начавшиеся в связи с этим воспаление и жар не спадали. Положение становилось все хуже, и через две недели, 27 сентября он скончался и был похоронен на кладбище Калайоки. В 1903 году на его могиле была установлена мемориальная надпись.

Для потомков сохранилось возвышенное описание Рунеберга наиболее известной жертвы битвы при Оравайсе:

Шестнадцати лет не прожил,
А попал на носилки,
Ему все же была дарована долгая жизнь,
Если жизнь — подвиг.

В стихотворении также говорится, как раненные в боях ветераны собрались вокруг тела смертельно больного юноши. Столь достойный мотив не мог не привлечь внимания писателя. Молодой мужчина, совсем еще мальчик, умирающий в своем первом бою, к тому же в бою, где де-факто была решена судьба единого

шведско-финского государства. Судьба Вильгельма фон Шверина, безусловно, занимала историков последующих поколений еще и потому, что он успел написать из лазарета письмо родителям, из которого видно, что он надеялся выздороветь, пока не началось воспаление. Подобные мотивы, возможно, чуть видоизмененные, использовались и другими авторами в художественной литературе.

Судьбы многих других участников не столь известны, однако это не делает их менее драматичными. На болотах, на самом форпосте, в начале сражения полк Хельсинге столкнулся с русскими солдатами. Капрал № 33 с говорящей фамилией Цар был окружен, но застрелил трех русских солдат, вырвался, не потеряв оружия, из окружения и вернулся на шведскую линию обстрела. Благодаря фамилии солдата, эта история становится еще более интересной, но на самом деле фамилия солдата никак не была связана с русским царем, а, скорее всего, была образована от прилагательного, означающего «красивый» или «стройный», что вероятнее всего говорило о телосложении солдата.

Несколько раненых были доставлены в Якобстад; лечением больных и раненых офицеров здесь занимался первый лекарь Лундмарк. Он и его пациенты должны были быстро решить, достаточно ли у них сил, чтобы перебраться через Кваркен в Умео, или же они предпочтут остаться в ловких руках русских. В некоторых случаях травмы были такие, что лекарь вынужден был заставлять остаться. К примеру, о прапорщике Форсвалле Лундмарк написал: «ранение в шею — переезд отклонить». Рекомендации врача не всегда исполнялись, как, к примеру, в случае с фельдфебелем Сведбергом: «Ранение в руку — переезд отклонить... но имел дерзость и по словам его майора, отправиться в Умео». Многие начинали сомневаться по мере приближения русских, как, например, майор Седергрэн: «Контузия моя оперирована, сомневался, но уехал в Умео». О раненых офицерах известно, к примеру, следующее: «Барон Мернер, небольшое ранение, видимо, уехал в Умео».

Мернер принимал участие в битве при Оравайсе, однако известность он приобрел позднее — в возрасте 27 лет Карл-Отто Мернер внесет значимый вклад в историю Швеции. В Оравайсе Мернер прибыл в звании бригадного адъютанта и младшего лейтенанта Упландского полка, и, как он сам говорит в своей автобиографии, «я получил несколько штыковых ранений, что помешало мне выполнить мой долг. На госпитальном судне меня доставили в Умео. Окруженный врагами, каждый из которых

пытался лишить меня жизни, после того, как я отказался сдаться в плен, я получил два удара штыком в живот, и был близок к тому, чтобы пасть на землю (*заметки на полях*: полученные до этого удары штыком в ногу мне не сильно мешали и не представляли для меня особой опасности), но, благодаря смелости и мужеству моих солдат, я практически чудом вырвался от врагов». Мернер получил медаль «За отвагу на поле боя», но «из-за ранения был отстранен от дальнейшего прохождения службы».

Известность Карл-Отто Мернер приобрел два года спустя своим вкладом в становление шведской королевской династии, поскольку именно он активно участвовал в переговорах с французским маршалом Жаном-Батистом Бернадоттом с целью убедить Бернадотта занять место на шведском троне, а также в переговорах с риксдагом в Эребру, где удалось уговорить их избрать Бернадотта в качестве престолонаследника и провозгласить его будущим королем Карлом XIV Юханом. Для Мернера полученные штыковые ранения не имели столь серьезных последствий, как для его товарища фон Шверина, и в определенном смысле можно говорить о том, что история Швеции после 1809 года во многом решилась или, вернее, смогла получить продолжение благодаря событиям на полях сражения при Оравайсе.

Шхерный флот

Во всех русско-шведских войнах, начиная с Северной войны и заканчивая войной 1809 года, многие важные сражения велись в прибрежных шхерных районах, и здесь сухопутные силы сталкивались с военным флотом. Шведский шхерный флот, или армейский флот, как его тоже называли, был создан по модели русского галерного флота образца 1710-х годов.

Оснащение шхерного флота и тактика его использования менялись с течением XVIII века, и его возможности были опробованы на практике в ходе войн с Россией 1741–1743 и 1788–1790 годов. Под руководством судостроителя аф Чапмана были построены особые шхерные корветы и фрегаты, дополненные пушечными шлюпками и лодками, позволяющими вести артиллерийские обстрелы в тесном пространстве прибрежных вод. Новые шведские суда привлекли внимание как в России, так и в других странах. К примеру, часть судов, которые император Наполеон построил для участия в так и не состоявшемся вторжении в Англию в 1805 году, были спроектированы по шведским моделям. Шхер-

ные фрегаты класса Удема, оборудованные по центру и по обеим сторонам вращающимися пушками, предвосхитили развитие судостроения на целых сто лет.

Членами экипажа армейского флота стали моряки из северных шведских провинций и Финляндии, а на руководящие посты сначала были приглашены крупные военные начальники, а затем командующие выбирались из состава самого шхерного флота. В военное время экипажи усиливались армейскими солдатами, которые исполняли обязанности гребцов, а также стрелков в тех случаях, когда суда буквально нос к носу сталкивались с русскими галерами. Особенно активное участие в войне 1788–1790 гг. приняли кавалеристы-драгуны Королевской лейб-гвардии, а также драгуны из Сконе и Смоланда. В максимальном варианте флот был представлен 200 единицами, из чего четвертую часть составляли пушечные шлюпки, пушечные лодки и другие судна меньшего размера.

Новые орудия позволили шведам вести военные действия во внутренних прибрежных водах Финского залива, но шхерному флоту не хватало собственной тяжести. Для того, чтобы возможности флота получили должное применение, необходимо было наладить интенсивное и отлаженное сотрудничество с армией, а это в те времена зачастую было невозможно, поскольку для этого отсутствовали средства коммуникации и поскольку различные подразделения армии и флота все время соперничали между собой. Помимо этого требовалось обеспечить дополнительную защиту с флангов как от парусного флота, так и от военных судов, чтобы большие русские корабли не могли маневрировать между скалистыми островками и шхерами и не доставляли проблем недостаточно вооруженным шхерным судам.

Однако тактика, применяемая для армейского флота, становилась все более продуманной, а его действия — более гибкими и стремительными. Так называемая стационарная тактика, когда суда группировались по линиям между различными островами, а артиллерия усиливала линию с берега, сменилась более динамичной тактикой, когда суда пытались предпринимать действия, чтобы обойти атакующие фланги противника. Можно сказать, что тактика ведения маневров появилась значительно раньше, чем это понятие появилось в обиходе. 1790 год и Роченсальмское сражение, где русские потерпели сокрушительное поражение, можно назвать кульминацией в развитии шхерного флота. Во многом эта победа стала возможна благодаря обходному маневру шведских пушечных шлюпок вокруг русского правого фланга.

Участие шхерного флота в ряде десантных операций в войне 1808–1809 гг. было менее удачным. Летом 1808 года флот принимал участие в высадке на остров Кимито недалеко от Або, а годом спустя поддерживал шведскую армию, высадившуюся в Ратане в провинции Вэстерботтен.

Военные последствия мирных соглашений

Фридрихгамский мир был подписан 17 сентября 1809 года, или 5 сентября по старому юлианскому календарю, который до сих пор используется в России. Граница прошла вдоль рек Торнео и Муонио, а также через Ботнический залив и Аландское море, что означало, что вся Финляндия, Аландские острова и некоторые территории провинции Вэстерботтен переходили во владение России (статья V).

Сразу после подписания договора было объявлено перемирие между шведскими и русскими войсками, как морскими, так и сухопутными (статья VII). Помимо этого, в течение четырех недель после ратификации мирного договора русские войска, продвигавшиеся в глубь шведской провинции Вэстерботтен, должны были вернуться к восточному берегу реки Торнео (статья VIII). Договор декларировал обмен военнопленными, и здесь было четко сказано, что освобожденные финские солдаты и офицеры, так же, как и гражданские служащие, при желании могли вернуться в Швецию, однако сделать это следовало в строго определенные сроки, указанные в статье X. До конца 1812 года необходимо было решить, где оставаться — в Швеции или в Финляндии и где следовало иметь земельные владения (статьи IX и X).

В Стокгольме договор был ратифицирован 21 сентября, а в Санкт-Петербурге эта процедура прошла 16 октября. Год спустя, 20 ноября 1810 года, между Швецией и Российской империей был подписан Акт разграничения, регулирующий положения о новых границах. Согласно этому документу, граница должна была проходить по самому глубокому руслу рек Кэнгэмэ, Муонио и Торнео, что фактически означало, что Россия теперь отделила шведскую Лапландию от норвежской провинции Финнмарк.

Мирный договор 1809 года для Швеции означал стратегическую катастрофу. Столица страны, объединяющая все морские пути, всегда была расположена в центре шведско-финского государства. Теперь вдруг неожиданно это стал приграничный город под прицелом русских войск на Аландских островах. В последую-

щие десятилетия, наряду с проблемой рекрутирования солдат, очень остро обсуждался вопрос обороны Стокгольма. Необходимо было решить, как следует действовать в первую очередь — сконцентрироваться на защите столицы и отражении нападения противника у береговой линии или же, поскольку транспортировка основных сил нападающей русской армии всегда осуществлялась морским путем, после кратких оборонных мероприятий нанести удар захватчику в глубине страны, когда удастся уже собрать значительное войско для отпора, а у захватчика уже не останется сил? В 1819 году началось строительство крепости Карлсборг, последнего опорного пункта между Вэнерном и Вэттерном. Вместе с начатыми несколькими годами ранее работами по строительству Гета-канала между двумя озерами это должно было позволить шведской армии быстро проникнуть в глубь страны, а также быстро нанести удар по противнику, находящемуся в самом сердце государства. Но эти стратегические мероприятия были не единственными — некоторые военные деятели говорили о необходимости концентрации сил к северу или западу от озера Мэларен. Эти идеи объединяло то, что, принимая во внимания слабую военную готовность Швеции, отразить вражеские нападения в береговой зоне не представлялось возможным. Поскольку не было точно известно, где произойдет высадка противника, необходимо было распределить те ограниченные ресурсы, которые страна сможет мобилизовать. К тому же, если все силы бросить на оборону Стокгольма, это могло дать захватчику возможность нанести решающий удар по шведской армии прямо у берега.

Однако теперь проблемы обороны столицы интенсивно обсуждались и с другой точки зрения. Многие участвующие в дебатах военные и гражданские лица подчеркивали важность защиты Стокгольма и того, сколь катастрофичными будут последствия, если Стокгольм будет сдан без боя. В результате принципы оборонной политики не имели четко выбранной линии, а базировались на различных стратегиях.

В Стокгольме по результатам изменений 1809 года начали проводиться более активные мероприятия по реконструкции Ваксхольмской крепости, расположенной в Стокгольмском архипелаге. В 1833 году начался снос старых крепостных стен, но часовня Ваза, построенная в XVI веке, была разрушена только в 1850—1851 гг. В 1863 году закончилось строительство новой крепости, оснащенной 150 пушками. Одновременно с этим проводились более интенсивные работы по блокированию пролива Оксьюпет с заграждениями. Эти работы завершились в 1839 году.

Водный путь к Стокгольму стал значительно более сложным по проходимости, но несколько лет спустя начнутся работы по расчистке заграждений, и они продолжатся еще в течение ста лет. Вследствие появления новых более мирных контактов возникла необходимость открытого сообщения для гражданского флота. Стремительные мероприятия оборонного характера в Стокгольм в 1810-е годы лишь подчеркивают, насколько неожиданным и значительным для Швеции стало изменение границ 1809 года. Несмотря на разбойнические рейды русских галер в 1719 году, шведы не могли себе представить, что российская угроза впрямую коснется их столицы, и к тому же, что эта угроза навсегда найдет отражение в Фридрихсгамском мирном договоре.

Перевод с шведского Н. Н. Гуровой

Литература

Gunnar Artéus, red. *Gustav III: s ryska krig*. Stockholm, 1992.

Fred Sandstedt, ed. *Between the Imperial Eagles. Sweden's Armed Forces during the Revolutionary and the Napoleonic Wars 1780–1820*. Stockholm 2000.

Lars Ericson Wolke, Martin Hårdstedt. *Svenska sjöslag*. Stockholm, 2009

Jussi T. Lappalainen, Lars Ericson Wolke, Ali Pykkänen. *Sota Suomesta. Suomen sota 1808–1809*. Helsinki 2007.

J. E. O. Screen. *The Army during the last decades of Swedish rule (1770–1809)* // *Studia Historica* 75. Helsinki, 2007.